

УДК 298: 003

СЕМИОТИКА РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА К.А. СЕН-СИМОНА

*канд. филос. наук, доц. В.И. ИОНЕ
(Полоцкий государственный университет)*

Представлены результаты семиотического анализа религиозных текстов К.А. Сен-Симона, в которых обосновывается социально-политический проект, направленный на «реорганизацию» человечества. Согласно автору статьи, анализируемые тексты складываются под влиянием идеологии самообожествления и индивидуальных невротических фантазий Сен-Симона о личном господстве и признании в качестве величайшего в истории религиозного пророка. Реконструируется структура, семантика и прагматика религиозно-политического мифа Сен-Симона, выступающего в качестве формы выражения скрытого идеологического подтекста, а также систематизируются элементы его наукообразного дискурса, выполняющего функцию мимикрии.

Ключевые слова: Сен-Симон, семиотика религии, мифологизация, симуляция, мимикрия, религиозная идеология, религиозный сциентизм.

Введение. Клод Анри де Рувруа, граф де Сен-Симон (1760–1825) вошел в историю европейской философии, прежде всего, как родоначальник французской утопической мысли XIX в. и как предтеча позитивизма. Религиозный аспект его учения и деятельности часто рассматривается как вторичный, что не соответствует действительности. После смерти он был объявлен своими последователями величайшим религиозным пророком в истории человечества, на роль которого он претендовал и при жизни. Церковь Сен-Симона стала первым в истории представителем специфического типа религиозных организаций – сциентистских культов, т.е. культов, активно эксплуатирующих наукообразный дискурс и наукообразные практики (как ритуальные, так и управленческие) с целью самозащиты и усиления пропагандистского воздействия.

Одновременно в рамках дискурса Сен-Симона и его последователей формируется новая религиозная мифология, коренящаяся в идеологии самообожествления. Идея самообожествления (религиозный аналог субъективного идеализма) имеет многовековую историю и характерна для ряда религиозных течений, не относящихся к рассматриваемому типу. Новизна мифологии сциентистских культов заключается, во-первых, в радикальном пересмотре характера отношений между человеком и Богом. Ее эволюция начинается с идеологемы «Я есть глас отсутствующего Бога» (К. А. Сен-Симон) и завершается идеологемой «Я больше, чем Бог» (Л. Рон Хаббард). Во-вторых, в создании специфической «гибридной» структуры мифа, связывающей выхолощенные понятия и символы из традиционного религиозного словаря (христианского либо оккультного) с новыми «антропоморфными» сакральными знаками.

Еще одной важной особенностью сциентистских культов является их самопозиционирование в качестве «церквей», что предполагает претензию на универсальный характер религиозной организации, восприятие всего человечества в качестве своей целевой аудитории, а также стремление к глобальной трансформации мира. Это отличает их как от оккультных движений (обращенных к немногим «избранным»), с которыми они генетически связаны, так и от сциентистских религиозных объединений новейшего типа, имеющих форму «институтов», «академий» и других научных организаций (например, Академия энергоинформационных наук, Академия фронтальных проблем). В отличие от сциентистских церквей подобные объединения минимизируют практику симуляции традиционной религиозности, одновременно интенсифицируя практику имитации научности.

Целью настоящей статьи является реконструкция мифологического и имитативного (наукообразного) дискурсов Сен-Симона, определение их структуры, семантики и прагматики, а также функций и роли в рамках религиозно-политического проекта, направленного на «реорганизацию» человечества. В качестве основного метода исследования выступает семиотический анализ текстов автора на основе концепций Ч. Морриса [1], К. Леви-Стросса [2], Р. Барта [3], Ж. Бодрийяра [4]. С позиции более традиционных подходов наследие Сен-Симона достаточно хорошо исследовано в русскоязычной науке [5–10].

Основная часть. Религия выступает у Сен-Симона в двух основных аспектах. Во-первых, как духовная основа «общей системы идей», позволяющей аккумулировать и использовать научные знания. Во-вторых, как основополагающий социально-политический институт, эффективно мобилирующий и направляющий массы к социально значимым целям. Данная концепция развивается им в таких работах, как «Письма женева обитателя к своим современникам» [11], «Очерк науки о человеке» [12] и «Но-

вое христианство: диалог между консервативом и новатором» [13]. Основным объектом исследования в настоящей статье является первое из указанных произведений.

«Письма женевого обитателя к своим современникам» – первое произведение Сен-Симона, написанное им в возрасте 40 лет. Постулируемая цель данной работы – сообщение человечеству нового божественного откровения, в качестве содержания которого выступает план реорганизации духовной и социальной жизни народов Европы. Политическая и религиозная концепции, изложенные в «Письмах» имеют еще незрелый, незавершенный характер, что выражается, в т.ч. и в некотором синкретизме соответствующих дискурсов. Тем не менее, они выступают основой для формирования базовых структур и смыслового поля религиозного и политического мифов Сен-Симона, а также его имитативной (научно-образной) знаковой системы.

Центральным (по значимости) элементом произведения является «боговдохновенный» фрагмент, отделенный от остального текста технически (за счет использования более крупного размера шрифта) и стилистически (в нем преобладают прескриптивные знаки) [11, р. 71–97]. «Откровение» позиционируется Сен-Симоном как «услышанное». То есть речь идет не о посредствующих пророческих видениях, а о непосредственном обращении Бога к автору, о вручении «небесного мандата» на логос. Религиозные видения, как и другие спонтанные визуальные образы, связаны, прежде всего, со сферой эмоционально-интуитивного постижения действительности, благодаря чему возможна их множественная интерпретация. Но проект Сен-Симона задумывался как рациональная стратегия, предполагающая определенную технологию своей реализации. Именно поэтому для него было важно ограничить диапазон коннотаций и выбрать тот способ кодирования текста, который делал бы его прочтение и понимание максимально близким к денотативному (буквальному) значению. «Бог», говорящий через Сен-Симона, достаточно конкретно и подробно описывает, как должна быть устроена в будущем социальная жизнь.

Первые издания «Писем» 1802 и 1803 гг. были анонимными: автор инициировал собственную «смерть», снимая с себя ответственность за содержание «слова божьего». В последующем соотношение ролей Бога и его пророка в текстах Сен-Симона меняется. Например, в «Новом христианстве» (последнем произведении мыслителя) божество не артикулируется, оно присутствует лишь как фон уже вполне авторского повествования. Неизменной на протяжении всего процесса производства «священных текстов» автором остается его претензия на обладание божественным глаголом. «Внемлите гласу Бога, говорящего вам моими устами...» [13, р. 91]. Подобная трансформация при сохранении общего знаменателя объясняется как историческими обстоятельствами (обретением статуса религиозного лидера в кругу ближайших последователей), так и смысловым подтекстом, отражающим постепенное развитие идеологии самообожествления в текстах Сен-Симона.

Помимо «откровения» рассматриваемый текст включает еще несколько элементов (синтагм), каждый из которых имеет специфическую функциональную значимость. Письма первое и второе выполняют функции «рамки» произведения, т.е. играют роль введения и заключения. «Мнение друга» и «ответ другу» (самая пространная часть произведения) вместе формируют фиктивный диалог, сравнимый по значимости с «откровением». В нем Сен-Симон развертывает рациональную аргументацию своего проекта. Постскриптум представляет собой маргиналию текста, содержащую «оговорку», саморазоблачение Сен-Симона, выступающее в качестве семиотического «ключа» ко всему тексту.

Письмо первое, наряду с заверениями в том, что целью трудов автора является счастье и польза всего человечества, включает призыв к европейцам открыть сбор средств («подписку») перед могилой Ньютона, воспринимаемой как «святыня», место единения. Внося определенную сумму, каждый получает возможность назвать имена трех лучших с его точки зрения математиков, трех физиков, трех химиков, трех физиологов, трех писателей, трех художников и трех музыкантов. Лидеры в каждой из номинаций должны будут получить собранные финансовые средства в качестве вознаграждения за свои труды, направленные, как предполагается, на достижение общего блага. При этом они лишаются права принимать должности и деньги от каких бы то ни было группировок, отстаивающих частные интересы [11, р. 4–5].

Подписка перед могилой Ньютона не является только лишь средством поощрения выдающихся ученых и деятелей искусства наподобие Нобелевской премии, она есть ритуальный акт, предназначение которого – учреждение социального института и культа гениев, в чьих руках концентрируется духовная власть, подкрепленная народными инвестициями. Фактически ученые и художники должны стать «новым духовенством» и новым высшим классом, заменив собой родовую аристократию и христианский клир. Поскольку духовная власть, согласно Сен-Симону, является высшей формой власти, речь идет о создании теократической олигархии, в основе которой лежит «иерархия способностей».

Обоснованием абсолютной власти нового духовенства служат, согласно Сен-Симону, следующие общие соображения. Главная цель всех одаренных людей – это прогресс просвещения. Ради данной общей цели они способны забыть о частных интересах и трудиться на благо человечества при условии удовлетворения их материальных потребностей и амбиций. Создание церкви Ньютона, т.е. религиозно-

политической организации деятелей науки и искусства, позволяет им сразу получить финансирование и признание, избавляя их тем самым от необходимости добывать эти блага самостоятельно, давая полную свободу самовыражения и творчества [11, р. 6]. Прогресс «просвещения», как его понимает Сен-Симон, неизбежно приведет к быстрому прогрессу общества, что выразится в росте его благосостояния и в конечном итоге приведет к процветанию всего человечества.

Таким образом, в первом фрагменте текста автор вводит ряд важнейших сакральных символов: гений, Ньютон, просвещение, прогресс, общественное благо, единое человечество. Гении (в т.ч. Ньютон) являются ключевыми фигурами – посредниками между Богом и людьми, которые посредством просвещения (как социально-политической и ритуальной практики) приводят общество в состояние гармонии и способствуют объединению народов в единое и счастливое человечество.

Здесь же Сен-Симон задействует и один из типов имитативных знаков. В целом термины «наука», «научный» используются им в качестве носителей четырех различных систем значений. Во-первых, они выполняют функцию ссылок на результаты подлинных научных исследований, в основном из области естествознания (первый пример употребления – вводная часть «Писем»). Во-вторых, используются в качестве заместителей (эвфемизмов) терминов «идеология», «общая система идей» и подобных им. В-третьих, служат для обозначения собственных наукообразных рассуждений Сен-Симона в рамках темы общественно-политического устройства. И, наконец, в-четвертых, являются средством выражения негативных смыслов, связанных с концептом «бесполезных наук», вроде метафизики или традиционной социальной философии.

Как можно заметить, знаки первого типа обретают свою миметическую функцию только в определенном контексте, который связывает их с имитациями более откровенного характера. Второй тип знаков формируется на основе квазилогической операции подмены частного понятия (наука) более общим (система идей). Эффект мимикрии в этом случае достигается за счет игнорирования специфических признаков науки. Третий тип знаков-имитаций производится по аналогии с предыдущим, однако его формирование не завершается неправомерным обобщением, дополняя последнее признаками конкретной политической идеологии. Четвертый тип знаков-имитаций производится путем логического отрицания тех форм научно-философского дискурса, которые воспринимаются как источник угрозы критического прочтения для знаков третьего типа.

Чередование контекстуальных и замещающих (обобщающих и конкретизирующих) знаков-имитаций порождает необходимый эффект тождества между ними, который, в свою очередь, индуцирует наукообразе текста в целом. Отношение в связке «замещающий имитативный знак (превращенное значение) – контекстуальный имитативный знак (исходное значение)» является отношением скрытой омонимии (наука ≠ «наука»), где скрытый характер определяется именно демонстрацией фиктивного равенства. Одновременно формируется ложная бинарная оппозиция «полезная наука – бесполезная наука», в рамках которой второй элемент связки (антизнак) играет роль «громоотвода», отвлекая внимание критически настроенного читателя от идеологем Сен-Симона.

Следующий фрагмент текста, «мнение моего друга», развивает две главные идеи. Одна из них связана с развитием представления о гениях, как «факелах, озаряющих человечество», т.е. духовных руководителей народов, которые просвещают массы и мудро направляют их энергию к общей цели. Власть гениев, в отличие от обычной светской власти, определяется высочайшей степенью таланта, понимаемого как «дар божий», потому в процессе ее использования реализуется подлинная социальная справедливость. Чтобы еще больше подчеркнуть особый статус гениев, «друг» сетует на их крайне незначительное количество, заявляя, что в сонме небожителей, рассчитанном на 21 персону, часто оставались бы вакантные места [11, р. 28]. Другая идея касается фактического функционирования ассоциаций ученых и раскрывается в рассуждениях о всевозможных пороках академий и академиков. Данные рассуждения можно считать ответом на невысказанный, но вполне закономерный вопрос: что помешало бы объединению, состоящему из 21 гения, злоупотреблять властью, пользуясь своим положением и влиянием в личных целях?

Аргументация «друга» Сен-Симона сводится к следующему. Существует две основные причины, способствующие злоупотреблениям со стороны академиков, а также их неизменной враждебности по отношению к просвещению: во-первых, они избираются пожизненно, а во-вторых, находятся в зависимости от правительства. Надежда на «медали и кресла» порабощает творца, позволяя светской власти использовать его дар для манипуляции общественным мнением. Воображаемый партнер Сен-Симона по переписке утверждает, что ежегодное переизбрание гениев станет препятствием для того, чтобы их личные пристрастия возобладали над общими интересами. Материальная и социальная независимость ученых и художников, механизм перевыборов, освященный авторитетом Ньютона, создадут необходимое соотношение абсолютного максимума филантропии и социального энтузиазма с ограниченным максимумом честолюбия [11, р. 12]. Попутно «мнение друга» эсхатологически предрекает приближение «цар-

ства света» (прямая аллюзия на христианский концепт «Царства Божьего»), у врат которого гении во главе армии филантропов сокрушат деспотизм и невежество [11, р. 24].

Роль рассмотренного фрагмента заключается в формировании основополагающих «связок» (выступающих в качестве элементов структуры мифа) между центральным сакральным символом «гений» и другими понятиями, играющими вспомогательную роль. Отношения антонимии, которые выстраиваются между «гением» и «академиком», становятся основой для бинарной оппозиции, используемой для отделения прогрессивных общественных сил (социального блага) от реакционных (социального зла). В противовес семантике гениальности «академик» превращается в носителя значений, связанных с невежеством, бездарностью, духовной слепотой, зависимостью, крайним консерватизмом и т.д. На уровне наукообразного дискурса данный антоним используется с целью поддержания концепта неподлинной, бесполезной науки.

Более важным с точки зрения конструирования мифологического дискурса Сен-Симона является установление связей между «гениальностью» и «божественностью» на основе аналогии свойств. Диапазон способностей у автора подразумевает шкалу иерархически соподчиненных состояний, в рамках которой «Бог» маркирует бесконечность, а «бездарность» – ноль. Таким образом, «Бог» и «гений» есть качественно однородные понятия, выражающие различные степени совершенства. Аналогия свойств позволяет новому сакральному символу (гений) эксплуатировать подходящие значения старого (Бог), игнорируя те из них, которые не могут быть интериоризированы создаваемой знаковой системой. Вспомогательная аналогия «Царство Божье – царство света», используемая в рассматриваемом фрагменте, является хорошим примером подобных семиотических манипуляций. Царство света подразумевает справедливость, блаженство и конец истории, но не предполагает ни Апокалипсиса, ни второго пришествия Христа, ни страшного суда, предшествующих его созданию.

«Ответ другу» начинается с разделения людей на три класса: первый из них, «шествующий под знаменем прогресса человеческого духа», включает ученых, художников и всех, кто разделяет либеральные идеи; второй состоит из собственников; третий охватывает оставшуюся часть человечества, в равной степени лишенную таланта и частной собственности, но вдохновляемую навязчивой идеей равенства [11, р. 31–32]. Разделение человечества на классы, предпринятое с целью дифференцировать аргументацию в зависимости от уровня и запросов аудитории, наглядно демонстрирует представление Сен-Симона об идеальной социальной иерархии.

По заверениям Сен-Симона, почти все представители первого класса, к которым он обратился с изложением своего проекта, его одобрили и желали успеха в его реализации. И хотя данные заверения противоречат исторической действительности (первый текст Сен-Симона остался незамеченным), они объяснимы, если рассматривать их сквозь призму действительности проектируемой, поскольку со стороны потенциальных претендентов на обладание высшей формой власти такая реакция была бы вполне закономерной.

Обращение к представителям второго класса более пространно и разнообразно, наряду с увещаниями оно включает и угрозы. Объясняется это тем, что именно от «собственников» Сен-Симон ожидал наиболее крупных финансовых вливаний в проект. Необходимо было лишь убедить их, что выделенные средства станут выгодным вложением, а сопротивление нововведениям принесет неисчислимые беды. Для обоснования последнего тезиса Сен-Симон ссылается на Великую французскую революцию и напоминает о «неблагоприятной ситуации», в которую в революционный период попали собственники, подразумеваемая анархию, беззаконие и потерю многими из них имущества вследствие разрушений, захватов и экспроприаций.

Далее он указывает на то, что инициаторами революционного движения были ученые и художники, т.е. поначалу оно направлялось разумной волей, и лишь сопротивление рациональной реорганизации общества со стороны консерваторов привело к неуправляемым последствиям [11, р. 37–38]. Сен-Симон призывает собственников избегать противостояния с представителями нового духовенства, так как в результате общественно-политической борьбы первые всегда пострадают значительно больше, чем последние. Одновременно он прогнозирует скорое приближение общеевропейского кризиса, подобного французской революции. Таким образом, признание верховенства нового клира в вопросах управления обществом позиционируются как единственное средство предупредить нежелательные для собственников последствия классовой ненависти [11, р. 41].

Следующий аргумент, на этот раз благоприятный, как отмечает сам Сен-Симон, для самолюбия собственников, заключается в том, что при условии содействия процессу организации нового общества перед ними открывается возможность соучастия во власти. Выделив деньги на проект социальной реорганизации, представители второго класса не только избавят себя от ужасов анархии, но и смогут претендовать на роль «регуляторов развития человеческого разума». Чем более значительным будет вклад собственника в общее дело, тем большее политическое влияние он приобретет впоследствии. Речь идет

о формировании светских властей, подчиненных властям духовным и наделенных исполнительными функциями. Светская власть преподносится здесь не как «временная», что распространено в текстах Сен-Симона, а как «действенная». Кроме того, подписка открывает собственнику путь к переходу в высший класс.

Обращение к представителям третьего класса начинается с установления зависимости между количеством ученых и уровнем благосостояния городских и сельских тружеников. Чем больше в стране людей науки, тем лучше живут крестьяне и пролетарии. В Англии много ученых, там «все умеют читать, писать и считать», и, как следствие, в этой стране труженики в городах и даже в деревнях «едят мясо каждый день». В России же, где ученым отрезают носы и уши и ссылают в Сибирь, крестьяне «также невежественны, как их лошади», плохо питаются, плохо одеты и постоянно получают удары палками [11, р. 46–47].

Далее Сен-Симон разъясняет данную закономерность, утверждая, что ученые – это люди, наделенные даром предвидения, благодаря чему их влияние на общество приводит к большей предсказуемости и управляемости социальных процессов. Поэтому в качестве претендентов на высшую власть они не имеют себе равных. Ученый изображается в качестве провидца, неустанно работающего на благо человечества. Вскользь Сен-Симон упоминает и художников, «наполняющих досуг удовольствиями», более всего способствующими развитию интеллекта и воспитанию чувств. Поддержав проект, неимущие вынуждают собственников просвещаться, становясь учеными «либералами», и заставят их головы работать на себя в обмен на физический труд, облагороженный энтузиазмом и почтением к высшим классам [11, р. 47–48]. Сен-Симон скептически оценивает способность представителей низшего класса к самостоятельному выбору гениев. Однако он сразу же указывает им способ избежать затруднений в решении данной проблемы: посоветоваться с самими учеными [11, р. 67]. Иными словами, им предлагается быть анонимными донорами проекта, фактически лишенными подлинной возможности выбирать.

«Ответ другу» завершается обращением ко всем современникам в целом. Суть его сводится к следующему. Невежественные и неимущие массы не в состоянии эффективно управлять обществом. Наиболее совершенное социальное устройство таково: «Духовная власть в руках ученых; власть временная в руках собственников; власть определять тех, кто призван осуществлять функции великих руководителей человечества, в руках всех...» [11, р. 70]. Учитывая предшествующие рассуждения Сен-Симона, апелляция к последней из указанных форм власти, к демократии, полна цинизма и двоемыслия.

Также в рассматриваемом фрагменте Сен-Симон оговаривается, что «отсталые народы» (азиаты и африканцы) в силу особенностей своей организации, т.е. по физиологическим причинам, не могут быть равны европейцам в интеллектуальном развитии. Это значит, что они не имеют права соучастия в реорганизации общества, и в рамках единого человечества должны подчиниться воле цивилизованных народов.

Рассмотренный фрагмент усложняет структуру религиозного мифа Сен-Симона за счет включения в него новых семиотических связок. Центральная системообразующая аналогия «Бог – гений» и фундаментальное противопоставление «гений – академик» дополняются тремя промежуточными оппозициями, выражающими отношения между основными общественными классами. При этом категория «собственники» выступает в качестве медиатора, т.е. элемента, необходимого для сглаживания противоречий между категориями «гений» и «массы». С одной стороны, собственники являются носителями власти, что позволяет связать их с учеными и художниками. С другой стороны, в отличие от последних они лишены божественного дара гениальности, и поэтому, как и массы принадлежат «профанному» светскому миру. Описанная система бинарных связей помещается Сен-Симоном в контекст империалистических построений посредством постулирования непримиримого противоречия между просвещенными, цивилизованными европейцами и «отсталыми народами».

Распределение значений в рамках семиотического пространства, созданного структурой мифа, осуществляется в соответствии с семантикой сакрализованной гениальности. Положительная часть шкалы человеческих способностей развертывается между двумя точками экстремума: «академиком» как семиотическим нулем, символом бездарности, и «гением» как знаком высшей степени развития таланта. В качестве носителей промежуточных степеней совершенства выступают «просвещенные» посредством культа Ньютона собственники и народные массы. Отрицательная часть шкалы образуется «внесистемными» элементами, роль которых в данном случае играют африканцы и азиаты. Их культура рассматривается как антитекст, являющийся внешним источником зла и хаоса (мнимой угрозы для существования создаваемой мифологической системы).

Таким образом, аргументация Сен-Симона, направленная на обоснование власти и культа нового духовенства, основана на субъективно-идеалистическом подходе, поскольку провозглашает сознание гениев, порождающее научные идеи и художественные образы, единственным подлинным источником социального прогресса и социального единства. Данная аргументация использует произвольно устанавливаемые причинно-следственные связи и манипуляцию историческими фактами, что отражает ее связь

с мифологическим дискурсом как формой выражения «ложного сознания» самого Сен-Симона (идеологии самообожествления).

«Откровение» Сен-Симона преподносит идеи социальной реорганизации в развернутом и сакрализованном виде. В первую очередь провозглашается, что высшей целью человеческих усилий является бесконечное приближение к божественной мудрости. Ошибкой основателей предшествующих религий было представление о том, что Бог доверил им абсолютное знание [11, р.73], что в дальнейшем неизбежно приводило к нарастанию невежества духовенства вследствие отказа от совершенствования научного познания.

Религиозный проект Сен-Симона обещает предотвратить деградацию духовенства за счет замены традиционного клира учеными и художниками. Как уже говорилось выше, основным структурообразующим элементом реорганизованного общества должны стать «советы Ньютона», состоящие каждый из 21 деятеля наук и искусств. Наряду с единым верховным советом, выступающим как представитель Бога на земле, предполагается создание еще четырех советов, по одному от каждой из частей единого человечества: английской, французской, германской и итальянской. Все остальные народы должны сойти с арены истории в качестве самостоятельных игроков. Причем это касается не только «детей Каина» (африканцев и азиатов), но и части «детей Авеля», т.е. других европейских народов. В свою очередь часть может подразделяться на секции со своими собственными советами.

Таким образом, система управления в проекте Сен-Симона имеет трехуровневую структуру. Совет Ньютона более низкого уровня может начать функционировать только после его утверждения вышестоящим советом. Кроме того, при вышестоящем совете должны постоянно находиться делегации от всех ему подведомственных. Добровольные пожертвования «электората», поддерживающие существование советов, постепенно приобретут характер обязательного налога. А всякий, кто не станет участвовать в подписке, будет рассматриваться другими как «четвероногое» [11, р. 77].

В составе совета Ньютона необходимо, согласно Сен-Симону, выделить две неравные части: ученый совет, возглавляемый лучшим в триумвирате математиком, и художественный совет, возглавляемый наиболее выдающимся литератором. Ученый совет более значителен и по количеству членов (12 против 9) и статусно. Его задача – формирование «догматики» (на основе знания о законе всемирного тяготения), в то время как предназначением худсовета является разработка ритуально-обрядовой стороны культа гениев.

«Откровение» обожествляет фигуру Ньютона: аналогично Богу-Сыну в христианстве ему отводится место подле «Отца». Он выступает как носитель божественного логоса, направляющий просвещение и руководящий вселенной. На каждом совете лежит обязанность построить на территории своей епархии двухуровневый храм с мавзолеем Ньютона, вокруг которого предполагается сооружение комплекса лабораторий, мастерских и учебных заведений. Надземной частью храма (и внешним культом, ориентированным на массы) будет заведовать художественный совет, периодически устраивая зрелищные ритуальные «спектакли» [11, р. 83–84].

Через мавзолей Ньютона члены ученого совета и некоторые избранные смогут спускаться в подземную часть храма для участия в тайных обрядах внутреннего культа [11, р. 82–83]. Сам мавзолей Ньютона, наиболее сакральная часть храма, доступен для простых смертных. Туда необходимо приносить младенцев вскоре после их рождения (вероятно, речь идет об обряде инициации). Мавзолей должны посещать и взрослые люди, и благодаря сделанной вскользь оговорке Сен-Симона, эта обязанность приобретает зловещий смысл. Вошедший в мавзолей человек по желанию Ньютона может быть «перенесен на другую планету», т.е. изъят из общества. Вопрос о цели похищения остается открытым. Некоторое разъяснение обнаруживается во втором письме, где заявляется, что Ньютон не оставит на этой планете того, кто отказывается приносить пользу человечеству [11, р. 99]. Таким образом, речь может идти о заключении, изгнании или убийстве «неспособных», т.е. инакомыслящих.

Согласно «откровению» Сен-Симона, основатель ньютонианской религии должен обладать в обществе наивысшей властью. Это будет выражаться в эксклюзивном и пожизненном праве входа во все советы и председательствования в них. В качестве «капитана гвардии Ньютона», т.е. верховного главнокомандующего он возглавит армии верующих в крестовых походах против африканцев и азиатов. А после смерти будет погребен в могиле Ньютона [11, р. 91–92, 96].

Рассмотренный фрагмент наглядно демонстрирует одну из важнейших функций, выполнение которой в рамках мифологической системы Сен-Симона берет на себя понятие «Бог». Последнее выступает здесь в качестве дезориентирующего элемента, отводящего «удар» от самого автора. Именно голосом Бога озвучиваются все наиболее одиозные идеи Сен-Симона, о которых он не рискнул сказать даже от лица анонимных субъектов «переписки». Первая из идей такого рода связана с концепцией мировой империи, как организационно-политической формы единого человечества, предполагающей определенную иерархию народов в зависимости от их постулируемой культурной значимости. Доминирование англи-

чан, французов, немцев и итальянцев подразумевает безусловное подчинение им других, «второсортных» европейских наций: шведов, испанцев, греков и др. Положение неевропейских народов в структуре единого счастливого человечества еще более незavidно, так как их основное предназначение – быть пассивным материалом истории. В целом имперская иерархия наций в доктрине Сен-Симона совпадает с социополитической иерархией классов, дублируя ее структуру и семантику в более широком контексте.

Следующие две идеи относятся к санкционированию практики гонений на инакомыслящих в рамках новой социальной системы. Рассмотрение несогласных, неплатежеспособных и неверующих граждан в качестве «животных», т.е. индивидов находящихся вне закона, и сакрализация механизма их изъятия из общества привносит в доктрину Сен-Симона явные элементы тоталитаризма. Наличие последних в сочетании с идеологией о высших нациях позволяет говорить о крайне правом характере ранних политических взглядов автора, что можно рассматривать как реакцию на последствия революционной трансформации французского общества. В рамках мифологического дискурса семантика социальной «бесполезности» уравнивает гипертрофированную апологию гениальности.

Последняя потенциально опасная для существования текста идея связана с декларированием исключительного статуса основателя новой религии. Право председательствования во всех советах Ньютона, получение которого не связано ни с какими демократическими процедурами, возвышает «неизвестного» благодетеля человечества над рядовыми гениями. Акт захоронения пророка в могиле Ньютона является знаком сравнительной значимости: его заслуги перед европейской цивилизацией могут быть приравнены к последствиям научной революции, инициированной открытиями основоположника современного естествознания. Текст, посредством которого косвенно определяется значимость автора, – это единственное свидетельство истины во всем произведении. Он указывает на то, ради чего оно было написано – на невротическую фантазию Сен-Симона о личном господстве и посмертном признании. Данная фантазия выражается посредством использования т.н. «нулевого знака», т.е. является означаемым без означающего (имени собственного, идентифицирующего субъекта фантазии). В гибридной структуре мифа нулевой знак образует функциональную связку с «пустым» знаком (симулякротом Бога), благодаря чему формируется идеальный законодатель идеологии самообожествления.

Оставшаяся часть фрагмента посвящена в основном «техническим» вопросам организации церкви Ньютона, подробное изложение которых маскирует или, по крайней мере, смягчает радикальный характер основных смыслов.

Письмо второе пытается обосновать тезис о том, что изложенный проект в силу своего совершенства не может быть ничем иным как божественным заветом. Его заповеди не только ясны и отчетливы для разума, но и осуществимы на практике. Но главным доказательством его небесного происхождения является тот факт, что реализация проекта заставит всех следовать заповеди любви к ближнему, не отменяя социальной иерархии и даже не трансформируя ее каким-то существенным образом: «руки бедняка будут по-прежнему кормить богатого» [11, р. 98]. Значение фрагмента, таким образом, заключается в религиозном санкционировании социальной стратификации в духе кальвинизма, которое вместе с концепцией о том, что «всякая власть от Бога», выступает в качестве религиозно-политического кода, ориентированного на культурные и деловые «элиты».

Постскрипту интересен тем, что в отличие от остального текста содержит несколько микроэлементов чистой теории религии. Религия, согласно Сен-Симону, есть человеческое изобретение, политический институт, предназначенный для общей организации человечества [11, р.100]. На доктринальном уровне ее можно сравнить с математикой как средством исчисления материи, распределенной в пространстве, и физикой, позволяющей предсказать все будущие изменения вселенной. Следовательно, религия – это социальный механизм, «исчисляющий» и перераспределяющий человеческий материал в интересах целого, делающий процесс развития общества контролируемым и предсказуемым. Постскрипту фактически отрицает божественную сущность религии, а значит, обесценивает обещания Сен-Симона об установлении социальной справедливости на сверхъестественной основе. Таким образом, уже первый религиозный текст автора демонстрирует его подлинное отношение к представлению о Боге. «Бог» для него – лишь фиктивный знак (симулякр), который используется в тексте с сугубо прагматической целью – придать проекту максимально возможную степень убедительности.

Заключение. Итак, основными сакральными символами в рассмотренном тексте являются: человечество, гений, Ньютон, Бог. Представление о человечестве, объединенном в рамках мировой империи, маркирует абсолютный предел приложения общественных сил. В композиции (синтаксисе) системы «человечество» выступает в качестве элемента, на который отвлекается внимание читателя, в то время как ему внушается базовая идеология, связанная со статусом самого Сен-Симона (самообожествление). Благо всего человечества определяет воображаемый масштаб его деятельности и, следовательно, – его собственную значимость: только великий человек, исключительный гений способен достичь столь великой цели. «Какое прекрасное занятие – трудиться во благо человечества! Какая величественная цель!

Имеет ли человек лучшее средство приблизиться к Божеству?» [11, р. 9]. При этом прямых ссылок на собственную значимость Сен-Симон избегает. Развитие идеологии самообожествления в данном тексте имеет преимущественно латентный характер. Отсюда: анонимность первых изданий, «мнение друга», симуляция откровения.

Человечество в доктрине Сен-Симона выступает в качестве пассивного начала. Само по себе оно не обладает божественной творческой энергией. Активным началом и высшим статусом в семантике знаковой системы наделяются «гении», чей культ и пытается создать автор. Частота упоминания о гениях вместе с упоминанием о Ньюtone незначительно превышает частоту упоминания о человечестве. При этом, если термин «человечество» более или менее равномерно распределен по тексту, образуя фоновый семантический план мифологического дискурса, то максимальная концентрация термина «гений» приходится на «мнение друга», а имени собственного «Ньютон» – на «откровение». Первый из этих фрагментов посвящен попытке рационального обоснования нового культа, а второй – попытке дать сверхъестественную санкцию религиозно-политической организации. Именно эти фрагменты являются наиболее важными с точки зрения конструирования мифологического дискурса Сен-Симона, в рамках которого сакрализуется «гениальность».

«Ответ другу» – самая объемная часть произведения – посвящен гораздо более насущным и «земным» вопросам: во-первых, определению идеальной классовой структуры и системы общественных отношений; во-вторых, разработке дифференцированной стратегии рациональной аргументации, опирающейся на два основных вида кодов. «Элитарный» код ориентирован на интеллигенцию и буржуазию и предполагает словарь, включающий понятия власти, богатства, самореализации, успеха, признания и т.д. «Массовый» код предназначен для представителей «низших» классов и оперирует терминами, выражающими семантику лояльности, послушания, упорного труда, удовлетворения базовых потребностей. Иными словами, фрагмент определяет прагматику знаковой системы Сен-Симона (ее связь с предполагаемыми целевыми аудиториями).

Что касается «Бога» и «божественности», то немногочисленные случаи использования соответствующих терминов в тексте, позволяют говорить о том, что все они прямо или косвенно служат для выражения семантики безграничной гениальности. И если единое «человечество» обозначает у Сен-Симона абсолютный предел развития общественных сил, то «Бог» – абсолютный предел развития индивидуальных способностей и перспективу бесконечного самосовершенствования. Экстатическое слияние индивидуального и общественного осуществляется в пространстве политической системы, где возможность управлять поведением других напрямую определяется личными талантами и способностями.

Структура религиозного мифа Сен-Симона принуждает неопределенного абстрактного Бога к незаконной связи с гениями на основе аналогии свойств. Аналогия свойств позволяет новому сакральному символу присвоить себе необходимые значения старого, одновременно отсеивая те из них, которые не могут быть ассимилированы новой религиозной семантикой. Важнейшими денотатами, экспропрированными «гениями» Сен-Симона у традиционной теологии, являются их творческие способности, реализующиеся в созидании единого, справедливого и счастливого социального мира, а также способность выступать в качестве источника священных знаний и универсальных законов. Основным достоинством религиозной мифологии Сен-Симона является ее адаптивность. Не будучи ограниченной определенной концепцией Бога, она оставляет открытой и семантику «гениальности». В то же время такая открытость, как и отсутствие механизма закрепления и систематизации значений, порождает нестабильность мифа и усиливает угрозу его потребительской оценки как «нонсенса».

Анализ значимости отдельных понятий (наука, научный) в рамках имитативного дискурса не имеет смысла, поскольку отношения скрытой омонимии, которые их связывают, подразумевают равноценность трех основных типов знаков-имитаций (контекстуальных, обобщающих и конкретизирующих), которая обеспечивается девальвацией имитативных знаков четвертого типа (интерпретируемых в качестве антизнаков). Частота упоминания соответствующих терминов не может служить критерием для определения их статуса в знаковой системе, поскольку маскируемое различие между ними устанавливается лишь на уровне семантики, а не на уровне синтаксиса.

Разница в подходах к анализу объясняется функциональным отличием между мифологическим и имитативным дискурсами. Главная функция мифа состоит в скрытом навязывании фундаментальной идеологии, что предполагает иерархизацию системы значимостей и акцентирование элементов, которые оказывают мобилизующее и стимулирующее воздействие на потребителя. Основная функция имитативного дискурса заключается в нейтрализации угрозы критического прочтения текста путем дезориентации читателя, внимание которого «усыпляется» и рассеивается в пространстве фиктивных тождеств.

Формально роль имитативного дискурса в рамках текста совпадает с ролью мифа в рамках идеологии (подтекста, пересекающегося с текстом). Идеология должна оставаться «трансцендентной», т.е. порождать необходимый прагматический эффект (формирование ложного сознания и ложной по-

требности), при этом сводя к минимуму возможность своей критической интерпретации, выявления своих подлинных оснований. Благодаря своей структуре и системе превращенных значений миф Сен-Симона стремится обеспечить идеологии самообожествления неприкосновенность, однако осуществляется это не путем мимикрии, а посредством симуляции религиозной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика : сб. переводов ; под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Радуга, 1982. – С. 37–89.
2. Леви-Стросс, Клод. Структурная антропология / Клод Леви-Стросс ; пер. с фр. В.В. Иванова. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
3. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт ; пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
4. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. О. А. Печенкина. – Тула : 2013. – 204 с.
5. Гладышев, А.В. Миры К.-А. Сен-Симона: От Старого порядка к Реставрации / А.В. Гладышев. – Саратов : Изд-во СГУ, 2003. – 610 с.
6. Застенкер, Н.Е. Анри де Сен-Симон / Н.Е. Застенкер // История социалистических учений. – М., 1962. – С. 220–223.
7. Кремень, Л.А. Проблемы формирования нравственного облика человека в творчестве А. Сен-Симона / Л.А. Кремень // Философская и социологическая мысль. – 1989. – № 11. – С. 69–74.
8. Хлебников, Н. Сен-Симонизм / Н. Хлебников // Исследования и характеристики. – Киев, 1879. – С. 79–157.
9. Флегонтова, С.М. Проблемы человека и творческого общества в социальной утопии Анри де Сен-Симона / С.М. Флегонтова // Проблемы человека в истории науки и философии. – Л., 1990. – С. 67–77.
10. Шалькевич, В.Ф. Сен-Симон и его место в истории социалистической мысли / В.Ф. Шалькевич // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3, История, философия, научный коммунизм. – 1989. – № 2. – С. 38–41.
11. Saint-Simon, Claude-Henri de. Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains / Claude Henri de Saint-Simon. – 1803. – 103 p.
12. Сен-Симон, К.-А. де. Избранные произведения. В 2 т. / К.-А. де Сен-Симон ; пер. с франц. под ред. Л.С. Цетлина. – М., Л. : Изд-во Акад. наук СССР. – 1948. – Т. 1. – 467 с.
13. Saint-Simon, Claude-Henri de. Nouveau christianisme, dialogues entre un conservateur et un novateur / Claude Henri de Saint-Simon ; reproduction. – Paris : Bossange père, A. Sautelet, 1825. – 91 p.

Поступила 11.05.2017

THE SEMIOTICS OF CLAUDE HENRI SAINT-SIMON'S RELIGIOPOLITICAL PROJECT

V. IONE

The article presents the results of a semiotic analysis of Claude Henri Saint-Simon's religious writings, which posit a socio-political project seeking to 'reorganize' humanity. This project was arguably influenced by an extant ideology of self-deification, alongside Saint-Simon's neurotic fantasies, which led him to accept his own superiority and status as the greatest prophet of all time. The article reconstructs the structure, semantics and pragmatics of Saint-Simon's religiopolitical myth, whose form carries a hidden ideological motive. The author also provides a systematic exposition of the elements that constitute Saint-Simon's discourse which functions as a mimicry of science.

Keywords: *Saint-Simon, semiotics of religion, mythology, simulation, mimicry, religious ideology, religious scientism.*